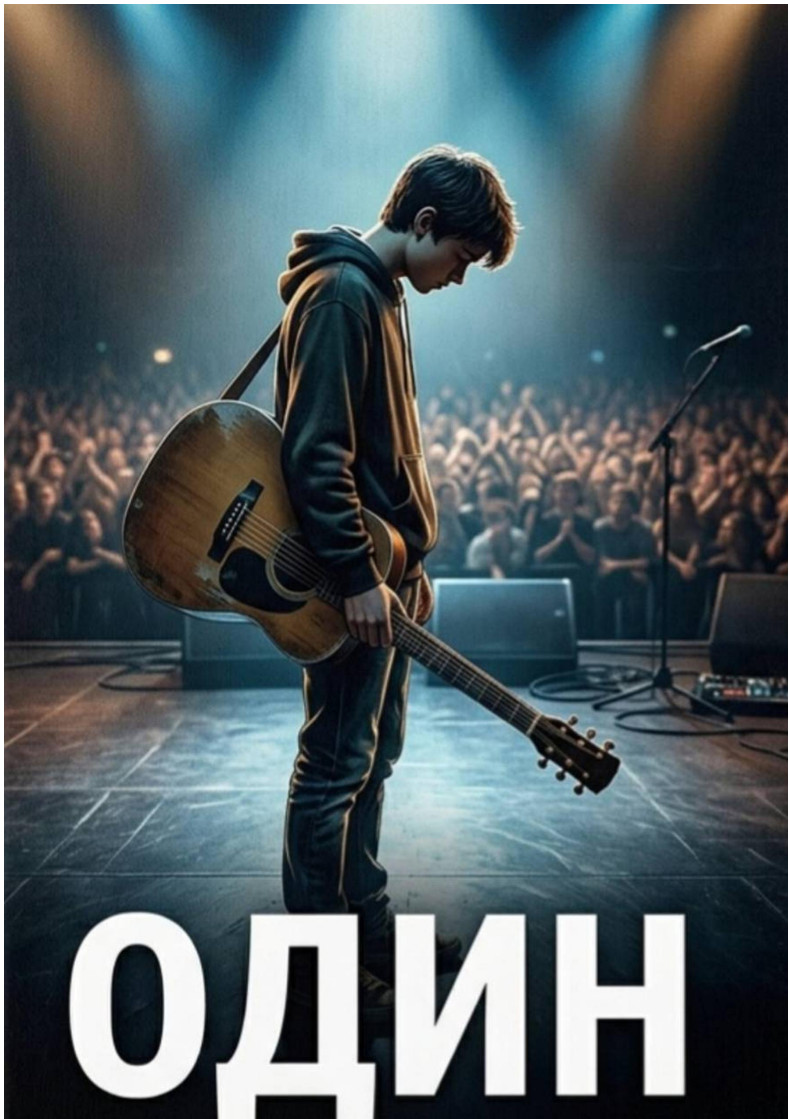

ОДИН

Мах . Один

<https://litres.ru/74460188>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марк — обычный подросток, который каждый день борется за право быть собой. В школе его травят, дома — пустота и недосказанность. Единственное убежище — старенький ноутбук и анонимный TikTok-аккаунт, куда он выкладывает песни, написанные в темноте своей комнаты.

Но когда тайна раскрывается, жизнь Марка превращается в кошмар. Травля усиливается, мир рушится: он теряет самых близких, оказывается на грани жизни и смерти. Кажется, что выхода нет.

И тогда его голос — искренний, надломленный, но невероятно сильный — слышат миллионы. Одинокий мальчик становится голосом целого поколения, а его боль — гимном для тех, кто тоже прошёл через ад.

«Один» — это история о том, как творчество спасает, когда всё остальное теряет смысл. О буллинге, потере, одиночестве — и о невероятной силе, которая рождается из пепла. Это книга о том, что даже в самой тёмной ночи можно найти свет, если не переставать петь.

Но у славы есть цена. И Марку придётся её заплатить.

Содержание

эпизод 1	4
эпизод 2	9
эпизод 3	13
эпизод 4	17
эпизод 5	22
эпизод 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мах .

Один

эпизод 1

Школьный коридор пах мелом, пылью и чьим-то вчерашним бутербродом с колбасой. Этот запах въелся в стены, в старые деревянные перила и, кажется, даже в мою кожу. Я стоял у подоконника, делая вид, что внимательно изучаю расписание уроков, хотя знал его наизусть. Просто стоять посреди шума, потока чужих голосов и толчков плечами было невыносимо.

Звонок должен был прозвенеть через двадцать секунд. Я считал про себя. Двадцать секунд тишины, двадцать секунд до того, как я снова стану невидимым за последней партой. Двадцать секунд безопасности.

Я опустил голову ниже, пряча лицо за челкой, и достал из кармана телефон. Экран загорелся, высвечивая заставку — ноты на тёмно-синем фоне. Палец сам скользнул к знакомому значку — чёрный квадрат с белой восьмёркой, разломанной пополам. Тик-Ток.

Там, внутри, был другой мир. Там мой голос не дрожал, а звучал ровно и глубоко. Там мои песни слушали не для того, чтобы найти повод для насмешки, а чтобы просто... слушать.

Там я был @one_voice_mark. Марк. Не «Очкарик», не «Ботан», не «Чмо болотное».

Я открыл приложение. Красная точка на колокольчике пульсировала, как маленькое сердце. Сорок семь новых подписчиков. Комментарий под вчерашним видео с моей песней.

«Голос мурашки по коже. Ты откуда такой взялся?»

Я улыбнулся. В груди потеплело, растеклось чем-то щекотным и сладким, как глоток горячего какао в промозглый день. Двадцать секунд давно истекли. Я забыл считать.

— О, гляньте! Наш соловей ленту листает!

Голос ударил по ушам, как пощёчина. Тёплое чувство сжалось в ледяной комок где-то под рёбрами. Я не успел заблокировать телефон.

Из толпы, как акулы из мутной воды, вынырнули трое. Впереди — Дэн. Высокий, с наглой ухмылкой и взглядом, от которого всегда хотелось забиться в самую тёмную щель. За его спиной маячили двое его вечных прихлебателей — Кир и Жека, туповатые, но от этого не менее опасные.

— Ну-ка, покажи, что ты там прячешь, — Дэн протянул руку, сцапал моё запястье. Пальцы у него были как стальные клещи. Я машинально сжал телефон крепче, но он легко вывернул мою кисть.

Боль была резкой, но обиднее всего было другое. Он смотрел на экран.

— Ух ты, «Восходящая звезда экрана»! — загоготал он,

читая мои уведомления. — Смотрите, парни, у нас тут Тик-Токер! Певица!

Он вырвал телефон, развернул его экраном к остальным. Я почувствовал, как заливаюсь краской. Уши горели так, будто их прижгли. Мой голос... мой секретный мир... сейчас его будут топтать.

— Может, споёшь нам живьём, а, соловушка? — Дэн приблизил лицо, и я увидел его глаза. В них не было злобы. Была скука. Обычная скука хищника, которому доставляет удовольствие сам процесс игры с добычей. — Споёшь, а мы подпоём.

Он начал фальшиво, по-дурацки мычать, коверкая мою песню. Кир и Жека подхватили, завывая, как стая бродячих псов. Вокруг нас начали собираться зеваки. Кто-то снимал на телефон. Кто-то просто стоял и смотрел, ожидая развязки.

Я видел только экран своего телефона в его грязной лапе. Он скроллил мою ленту, открывал мои черновики, мои тексты.

— Отдай, — прошептал я. Голос сорвался. Прозвучало жалко.

— Что? Я не слышу! — Дэн картинно приложил ладонь к уху. — Ты, кажется, петь умеешь, а говорить — нет. Скажи громче.

— Отдай!

Я дернулся к нему. Это было ошибкой. Лёгкий толчок в грудь, и я уже лечу назад, врезаясь спиной в подоконник.

Из лёгких вышибло воздух. Перед глазами поплыли серые пятна.

Дэн покачал головой с наигранным разочарованием.
— Слабак.

Он развернул мой телефон экраном вниз и с силой провёл им по шершавой стене. Раздался мерзкий хруст. Звук царапающегося по бетону пластика и стекла. Он не бросил его на пол. Он просто швырнул его мне в ноги, как кусок мусора.

Телефон стукнулся о линолеум. Экран пошёл сеткой трещин. Та самая красная точка — сердце моего маленького мира — погасла.

Дэн перешагнул через мою вещь и, проходя мимо, наклонился к самому моему уху. От него пахло жвачкой и дешёвым парфюмом.

— Ещё раз увижу тебя в этой школе с этой дрянью, — прошептал он, — и я засуну этот телефон тебе в такое место, где петь ты больше точно не сможешь. Понял, чмо?

Он хлопнул меня по плечу, выпрямился и, ухмыляясь, пошёл прочь. Его тень, Кир и Жека, ушли следом, пихая друг друга локтями.

Толпа рассосалась. Кто-то ещё хихикал, кто-то уже забыл, уткнувшись в свои смартфоны. Обычный день. Ничего особенного.

Я медленно сполз по стене на корточки. В спине саднило. Запястье ныло. Но сильнее всего болело где-то в груди, там, где только что разливалось тепло от сорока семи новых под-

писчиков.

Я поднял с пола свой телефон. Призрак моего отражения на разбитом экране был искажён до неузнаваемости. Тысячи осколков.

Я нажал на кнопку блокировки. Экран вспыхнул напоследок и погас.

Я остался один. В шумном школьном коридоре, полном людей. Абсолютно один.

Прозвенел звонок.

эпизод 2

Дом встретил меня тишиной. Густой, вязкой, как кисель. Мама была на ночной смене в больнице, а это значило, что до завтрашнего утра я мог не притворяться, что всё в порядке. Не нужно было натягивать улыбку, не нужно было отвечать на вопросы, не нужно было прятать глаза.

Я скинул рюкзак прямо в прихожей и, не разуваясь, прошёл в свою комнату. Дверь закрылась с мягким щелчком, отрезав меня от остального мира. Или наоборот — мир от меня.

В комнате было темно. Шторы задёрнуты ещё с утра — я всегда задёргивал их, уходя в школу, будто боялся, что кто-то увидит моё убежище. На стенах — постеры групп, о которых никто в классе даже не слышал. На столе — старый ноутбук, который мама купила мне на день рождения два года назад, с потрескавшимся корпусом и залипающей клавишей «пробел». В углу — гитара, потёртая, с приклеенной скотчем наклейкой в виде птицы. Единственное, что имело значение.

Я сел на кровать. Медленно, будто боясь, что резкое движение разбудит боль, которая притаилась где-то внутри и пока не решила — выходить наружу или нет.

Телефон лежал в кармане куртки. Я достал его. Руки дрожали. Стекло на экране треснуло так, что при прикоснове-

нии мелкие осколки впивались в подушечки пальцев. Я нажал на кнопку. Экран мигнул, загорелся тусклым, больным светом. По нему расползались чёрные кляксы. Красная точка на иконке Тик-Тока не загоралась. Телефон был мёртв.

Я смотрел на него, как смотрят на раненое животное. Мой единственный выход туда, где меня слышали. Мои сорок семь новых подписчиков. Мои песни, которые я записывал ночами, шёпотом, укрывшись одеялом, чтобы не разбудить маму. Всё это осталось за разбитым стеклом.

В горле поднялся ком. Я сглотнул, попытался вдохнуть, но воздух застрял где-то на полпути. Глаза защипало. Я зажмурился изо всех сил, сжал телефон в кулаке, чувствуя, как осколки впиваются глубже.

Нет. Я не буду плакать. Не из-за него. Не из-за Дэна.

Я резко встал, подошёл к окну и распахнул шторы. Серый вечерний свет залил комнату. На улице моросил дождь — мелкий, противный, октябрьский. Капли стекали по стеклу, оставляя кривые дорожки. Я смотрел на них, пытаюсь выровнять дыхание.

Гитара. Я нашёл её взглядом.

Подошёл, взял в руки. Прохладное дерево привычно легло в ладони. Я сел на край кровати и провёл пальцами по струнам. Звук получился неуверенным, хриплым, как будто гитара тоже устала.

Я начал наигрывать мелодию. Ту самую, которую записал вчера ночью. Которая принесла мне сорок семь новых под-

писчиков. Которая вызвала комментарий: «Голос мурашки по коже. Ты откуда такой взялся?»

Слова пришли сами. Сначала тихо, почти шёпотом. Потом громче.

«Этот мир — лабиринт из чужих зеркал, Я в нём отражение, которого не искал. Каждый шаг — как по битому стеклу, Но я иду, потому что упасть не могу...»

Я пел. Голос дрожал, срывался на высоких нотах. В горле стоял ком, который я так и не смог проглотить. Но я пел.

И пока я пел, в груди что-то разжималось. Медленно, миллиметр за миллиметром. Боль не уходила. Она отступала, забивалась в самый тёмный угол, как зверь, который боится света. А свет — это была музыка.

Я пел, пока не почувствовал, что в комнате стало совсем темно. Пока за окном не зажглись фонари. Пока голос не сел окончательно.

Тогда я замолчал. Долго сидел, обнимая гитару, уткнувшись лбом в её прохладную деку.

— Ещё одна песня, — прошептал я в пустоту. — Просто ещё одна песня.

Я встал, положил гитару на место и подошёл к столу. Открыл ноутбук. Экран загорелся — живой, яркий, тёплый. Я открыл браузер. Тик-Ток. Ввёл логин и пароль.

Страница загрузилась. Мой профиль. Мой ник. Мои видео. Они никуда не делись.

Я улыбнулся. Губы дрожали, но это была улыбка.

— Вы не отберёте это у меня, — прошептал я, глядя на экран. — Никто не отберёт.

На моей странице было сорок семь новых подписчиков.

И я решил, что завтра их станет больше.

эпизод 3

Я проснулся от того, что в комнате было слишком тихо. Не было привычного жужжания телефона на тумбочке, не было вибрации от уведомлений. Только тишина — густая, как вода, в которую погружаешься с головой.

Несколько секунд я лежал, глядя в потолок. На нём была трещина — тонкая, извилистая, как русло пересохшей реки. Я знал её наизусть. Каждое утро она была первым, что я видел. И каждое утро она почему-то казалась мне продолжением меня самого. Маленькая трещина в большом потолке. Маленький я в большом мире.

Потом вчерашний день накрыл меня с головой.

Я сел на кровати. Телефон лежал на тумбочке, разбитый, молчаливый. Я взял его в руку, повертел. Осколки экрана холодно блеснули в слабом утреннем свете. Палец нажал на кнопку — ничего. Мёртв.

Я сглотнул ком, который появился в горле сразу после пробуждения, и заставил себя встать.

Утро было серым. Октябрь за окном размазывался в мокрую акварель — голые ветки, лужи, низкое небо. Мама уже пришла с ночной смены и, судя по тишине из кухни, легла спать. Я старался двигаться бесшумно.

Умываясь в ванной, я долго смотрел на своё отражение в зеркале. Светлые волосы, которые я всегда носил так, чтобы

челка закрывала пол-лица. Серые глаза, которые учителя называли «взглядом испуганного оленёнка». Тонкая шея, острые плечи. Мальчик, который не выглядит так, будто может дать сдачи. Мальчик, которого легко сломать.

Но вчера я пел. И пока я пел, я не был этим мальчиком.

Я натянул школьную форму — серые брюки, тёмно-синий свитер, который мама связала мне прошлой зимой. Он был мне слегка великоват, но я любил его за то, что в нём можно было спрятаться. Как в коконе.

Рюкзак я поднял с пола в прихожей. В нём что-то звякнуло — термос, который мама всегда клала мне с собой. Она не спрашивала, почему я не ем в столовой. Просто клала еду. Просто заботилась. По-своему, тихо.

Перед выходом я задержался у двери. Прислушался к дыханию мамы из спальни — ровное, спокойное. Она спала. Я представил, как она устала. Как мерила чужие температуры, слушала чужие жалобы, держала чужие руки в своих ладонях, чтобы успокоить. А потом возвращалась домой — в тишину, которую я ей оставлял.

Я должен был бы рассказать ей. О том, что происходит в школе. О Дэне. О разбитом телефоне.

Но я не расскажу. Она не должна волноваться. У неё и так слишком много тяжести на плечах.

Я вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Улица встретила меня холодом и мелким дождём. Капли били по лицу, забирались за шиворот. Я накинул капюшон

и пошёл быстрее.

По дороге в школу я снова начал сочинять. Это происходило само собой — слова рождались в такт шагам, обрывки мелодии крутились в голове, как старая пластинка.

«Разбитый экран — как разбитый я, Но внутри всё ещё теплится искра. Пусть они думают, что сломали меня, Но утром я снова выйду со двора...»

Я запнулся на последней строчке. Слишком наивно. Слишком пафосно. Но в груди что-то отозвалось, и я поймал себя на том, что почти улыбаюсь.

До школы оставалось два квартала. Я знал, что меня там ждёт. Знал, что Дэн, скорее всего, стоит у входа со своими прихвостнями, сплёвывая жвачку на тротуар и высматривая меня среди потока учеников.

Но я знал и другое. Сегодня вечером, когда мама снова уйдёт на смену, я сяду за ноутбук. Я запишу новую песню. Я выложу её на свой канал. И те сорок семь человек, которые ждут меня по ту сторону экрана, снова услышат мой голос.

Ради этого стоило пережить ещё один день.

Я поднял воротник выше, сжал лямки рюкзака и шагнул в школьные ворота. Навстречу шуму, запаху мела и чьих-то вчерашних бутербродов.

Навстречу Дэну.

Он стоял у входа, как я и ожидал. Заметил меня издалека. Ухмылка расплзлась по его лицу, как трещина по льду.

— Ну что, соловей, как спалось? — крикнул он через

двор.

Я не ответил. Просто прошёл мимо, глядя прямо перед собой.

Внутри всё сжалось, но я продолжал идти. Один шаг. Второй. Третий.

Сзади раздался свист, потом смех. Чей-то голос: «Смотри, даже не обернулся!»

Я не обернулся. Вместо этого я мысленно повторял строчку, которая пришла ко мне на пути к школе.

«Но внутри всё ещё теплится искра...»

Прозвенел звонок. Я вошёл в школу и растворился в толпе. Один. Но не совсем. В моём рюкзаке лежала тетрадь с текстами, которые я писал по ночам. В голове звучала новая мелодия. А в груди, где-то под рёбрами, всё ещё теплилась искра.

И этого пока было достаточно.

эпизод 4

Первый урок — математика. Я сидел за последней партой у окна, спрятавшись за спиной Витьки Сомова, самого высокого парня в классе. Витька был хорошим щитом — широким, надёжным, вечно сонным. Он не задавал вопросов, не лез в душу. Просто был. За это я был ему благодарен.

Учительница, Марья Ивановна, что-то объясняла про квадратные уравнения. Её голос плыл над классом, как далёкая радиостанция, которую ловишь в дороге — то чётко, то с помехами. Я не слушал. Я смотрел в окно.

За стеклом раскачивался голый клён. Ветки чертили по серому небу странные иероглифы. В голове снова зазвучала мелодия — та, что пришла утром. Она крутилась, как заезженная пластинка, не отпускала, требовала продолжения.

Я достал из рюкзака тетрадь. Синюю, потрёпанную, с загнутыми углами. На обложке — наклейка с гитарой, которую я приклеил ещё в прошлом году. Это была не просто тетрадь. Это был мой архив. Мои песни. Мои мысли. Мой мир, записанный неровным почерком.

Я открыл её на чистой странице и начал писать.

«Они смеются, но я не слышу — В моих наушниках шум дождя. Они хотят, чтоб я был тише, Но песня рвётся из меня...»

Ручка скользила по бумаге. Слова приходили легко, буд-

то кто-то диктовал их мне изнутри. Я писал и чувствовал, как отпускает. Как разжимаются невидимые тиски, которые сдавливали грудь всё утро.

— Тихомиров!

Я вздрогнул. Ручка дрогнула, оставив на бумаге кривую чёрную кляксу.

— Ты снова витаешь в облаках? — Марья Ивановна смотрела на меня поверх очков. — Может, поделишься с классом, о чём таком важном ты думаешь?

По рядам пробежал смешок. Кто-то обернулся. Я почувствовал, как загораются уши.

— О квадратных уравнениях, — тихо ответил я.

Марья Ивановна покачала головой, но продолжать не стала. Отвернулась к доске.

Я быстро закрыл тетрадь, сунул её под учебник. Сердце колотилось. Но не от страха. От чего-то другого. От того, что меня почти поймали. Почти увидели.

Следующие два урока я честно пытался слушать. Историю, где речь шла о каких-то древних битвах. Биологию, где рассказывали про клетки. Но мысли всё время возвращались к тексту. К строчкам, которые уже родились, и к тем, что ещё ждали своего часа где-то на периферии сознания.

На большой перемене я не пошёл в столовую. Там был Дэн. Там были его глаза, которые всегда находили меня, даже если я забивался в самый дальний угол. Вместо этого я прошёл в библиотеку.

Школьная библиотека была моим убежищем. Пахло старой бумагой, пылью и почему-то корицей. Библиотекарша, Маргарита Львовна, знала меня по имени и никогда не спрашивала, почему я сижу здесь вместо того, чтобы есть с остальными. Она просто кивала и уходила в свой кабинет, оставляя меня среди стеллажей.

Я сел за самый дальний стол, у окна, выходящего на задний двор. Достал тетрадь. Перечитал написанное.

Клякса от ручки всё ещё чернела на полях, уродливая, как шрам. Я посмотрел на неё и вдруг улыбнулся. Шрам. Ещё один шрам. Но этот — от творчества. Не от кулаков.

Я начал писать дальше.

«Они рисуют на мне свои метки, Но мои слова — тоже чернила. Пусть их ладони хватают крепко, Моя душа — не их мишень, а крылья...»

— Это стихи?

Я поднял голову. Рядом стояла девочка из параллельного класса. Я видел её раньше — кажется, её звали Ася. Рыжеватые волосы, собранные в небрежный пучок, веснушки на носу, старый рюкзак с нашивками. Она смотрела на мою тетрадь с любопытством, но без насмешки.

Я рефлексивно прикрыл страницу ладонью.

— Не важно, — буркнул я.

Ася не ушла. Она стояла, переминаясь с ноги на ногу, и крутила на пальце брелок от ключей.

— Извини, я случайно увидела. Просто... красиво.

Я поднял на неё глаза. Она не смеялась. Смотрела серьёзно, чуть склонив голову.

— Спасибо, — выдавил я.

Повисла пауза. Ася кивнула, будто приняв какое-то решение, и вдруг сказала:

— Ты Марк, да? Я видела твоё видео. Ну... в Тик-Токе. Оно мне попало случайно. У тебя правда очень крутой голос.

Я замер. Кровь прилила к лицу. Сначала — стыд. Почти паника. Она знает. Она видела. Но потом, сквозь панику, пробилось что-то другое. Тёплое. Незнакомое.

— Ты... правда так думаешь? — спросил я шёпотом.

Ася улыбнулась. Улыбка у неё была неровная, но искренняя.

— Я подписалась. Тебя, кстати, вчера искали. Ну, после того случая у окна. Дэн что-то говорил про твой телефон.

Внутри всё сжалось.

— А ты... — начал я.

— Я не из его компании, — быстро сказала Ася. — Я просто видела. Ты держался достойно. Не заплакал.

Я опустил взгляд. Не заплакал. Если бы она знала, сколько стоило мне это «не заплакал».

— Слушай, — Ася понизила голос. — Если хочешь, я могу дать тебе свой старый телефон. У меня есть. Ну, не подумай... Просто с разбитым экраном неудобно, наверное.

Я покачал головой.

— У меня есть ноутбук. Я могу записывать с него.

Ася кивнула.

— Тогда ладно. Но если что — обращайся. Я в 7 «В».

Она развернулась и пошла между стеллажами. Потом обернулась:

— И Марк... продолжай петь. Это то, что у тебя получается лучше всего.

И исчезла.

Я остался один. В библиотеке пахло корицей и старой бумагой. За окном моросил дождь. На столе лежала тетрадь с недописанной песней.

Я перечитал последние строчки.

«Моя душа — не их мишень, а крылья...»

Впервые за долгое время я почувствовал, что у меня есть союзник. И впервые за ещё более долгое время я подумал, что, возможно, я не такой уж и одинокий.

Прозвенел звонок с перемены. Я закрыл тетрадь, убрал её в рюкзак и пошёл на следующий урок. Шаги мои были чуть легче, чем утром.

эпизод 5

Вечером я сделал это.

Мама ушла на смену, оставив на кухне записку: «Ужин в холодильнике. Не ложись поздно». Я кивнул пустой квартире, будто она могла меня увидеть, и закрылся в своей комнате.

Ноутбук загудел, оживая. Я открыл Тик-Ток. Камера смотрела на меня круглым чёрным глазом. Я поправил волосы, одёрнул футболку, взял гитару. Сердце стучало где-то в горле.

Я записывал песню три раза. Первый дубль — сорвался голос. Второй — запутался в аккордах. Третий — получился. Я выложил его, добавил подпись: «Для тех, кто идёт по битому стеклу». Нажал «опубликовать». И закрыл ноутбук, не дожидаясь реакции.

Спал я плохо. Снилось, что я стою на сцене, а зал пуст, только в первом ряду сидит Дэн и аплодирует медленно, издевательски. Я проснулся в холодном поту, сбросил одеяло и долго лежал, глядя в потолок.

Утром я сознательно не открыл ноутбук. Сказал себе: «Не сегодня. Сегодня я просто пойду в школу и не буду думать об этом». Как будто от мыслей можно было убежать.

Дождь на улице кончился, но небо оставалось низким и тяжёлым. Я шёл знакомой дорогой, сунув руки в карманы

куртки, и повторял про себя таблицу умножения, чтобы заглушить тревогу.

Первое, что я заметил, — тишина.

Обычно у входа в школу стоял гул, как от потревоженного улья. Смех, крики, визг. Сегодня всё было иначе. Люди стояли группами, переговаривались, и, когда я проходил мимо, разговоры обрывались.

Я ускорил шаг, опустив голову ниже.

«Они смотрят. Почему они смотрят?»

Я машинально проверил ширинку, потрогал лицо — может, что-то на носу? Нет. Оглядел одежду — вроде всё в порядке.

Но взгляды не прекращались. Одноклассники, старшеклассники, даже охранник у турникета — все смотрели на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

В груди похолодело.

«Дэн. Это Дэн. Он что-то сделал. Может, развесил мои фотографии? Или написал что-то на стене? Или...»

Я дошёл до своего класса, не поднимая глаз. Сел за последнюю парту, уткнулся в рюкзак, делая вид, что ищу учебник.

— Марк! — голос Витьки Сомова прозвучал неожиданно громко. Я вздрогнул.

Витька обернулся ко мне, сонное выражение исчезло с его лица. Впервые за всё время он смотрел на меня с интересом.

— Ты чего? — спросил я.

— Ничего, — Витька покачал головой, но взгляд не отвёл.

— Просто... это правда ты?

Я не понял вопроса.

— Что — я?

Но Витька уже отвернулся, потому что в класс вошла Марья Ивановна. Она тоже посмотрела на меня дольше обычного, поправила очки и начала урок.

Весь день я провёл как в тумане. На переменах ко мне подходили незнакомые ребята. Кто-то просил сфотографироваться. Кто-то просто смотрел и шептался. Один мальчик из шестого класса подбежал и сунул мне бумажку с номером телефона: «Позвони, если что, мой брат продюсер!» Я держал её в руке, не понимая.

Дэн не появлялся. Я заметил его один раз, в конце коридора. Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел на меня. В его глазах была не злость. Что-то другое. Растерянность? Зависть? Он не подошёл.

Ася нашла меня после пятого урока.

— Марк! — она схватила меня за рукав и оттащила в сторону от потока. Глаза у неё горели. — Ты видел?!

— Что видел? — я уже почти кричал. — Что происходит?!

Ася замерла, вглядываясь в моё лицо.

— Ты... серьёзно не знаешь?

— Не знаю чего?! — я вырвал руку. — Мой телефон разбит, я не смотрел ничего! Все на меня пялятся, как на инопланетянина!

Ася медленно выдохнула и улыбнулась. Улыбка у неё была широкая, почти счастливая.

— Твоё видео, Марк. То, что ты выложил вчера. Оно... — она покачала головой, будто не верила сама. — Оно взорвалось. Оно везде. Его репостят, снимают реакции, даже в новостях школьных показывали!

Я почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Что...

— У тебя, кажется, уже больше двух тысяч подписчиков. Я заходила утром с маминого телефона. Две тысячи, Марк! И это только начало!

Я прислонился к стене. В голове зашумело.

Две тысячи. Ещё вчера было сорок семь. Сорок семь человек, которые верили в меня. А сегодня — две тысячи.

— Я не... я не проверял, — прошептал я.

Ася смотрела на меня с восхищением и лёгкой грустью.

— Теперь понимаешь, почему все смотрят?

Я кивнул. Понимал. Но от этого не становилось легче. Наоборот — страх скручивался в животе тугим узлом. Теперь я был не невидимкой. Теперь я был виден всем. И Дэн это тоже видел.

Последние уроки я не помню. Просто сидел, глядя в одну точку, а в голове крутилась одна мысль: «Дома. Скорее домой. Проверить. Убедиться».

Я почти бежал от школы. Дождь снова начался, но я не замечал его. Рюкзак бил по спине. В подъезде пахло сыро-

стью, я перепрыгивал через две ступеньки.

Дверь квартиры была открыта.

Я замер на пороге. Внутри горел свет. Мама была дома.

— Мам? — голос прозвучал хрипло.

Тишина. Я вошёл, скинул мокрые кроссовки, прошёл в комнату.

Мама сидела на моей кровати. На коленях у неё лежал мой ноутбук. Экран был открыт, и на нём светилась моя страница в Тик-Токе. Она смотрела на меня, и в глазах у неё стояли слёзы.

— Марк, — сказала она тихо. — Почему ты мне не сказал?

Я стоял в дверях, не в силах пошевелиться. В горле пересохло.

Мама встала, держа ноутбук в руках. Подошла ко мне. Я видел цифру на экране — большую, чёрную, на белом фоне.

2 046

— Это твоё, — сказала мама. Голос дрожал. — Это всё твоё.

Она протянула мне ноутбук. Я взял его обеими руками. Он был тёплый от её ладоней.

— Я не знала, что ты поёшь, — мама всхлипнула. — Я не знала, что тебе так больно.

Она обняла меня. Крепко, так, как не обнимала уже давно. Я почувствовал запах её духов и больничного мыла. Почувствовал, как дрожат её плечи.

— Прости, — прошептал я в её плечо. — Я не хотел, чтобы ты волновалась.

Мама отстранилась, взяла моё лицо в ладони. Слёзы текли по её щекам, но она улыбалась.

— Я горжусь тобой, сынок. Слышишь? Горжусь.

Я смотрел на неё и не знал, что сказать. Внутри всё перемешалось: радость, страх, облегчение, вина. Я так долго прятался, что теперь, когда дверь открылась, свет ослепил меня.

Вечером я сидел на кровати с ноутбуком. Мама ушла на кухню готовить ужин, но время от времени заглядывала в комнату, будто проверяя, что я ещё здесь.

Я открыл свой профиль. 2 046 подписчиков. Просмотры последнего видео зашкаливали. Комментарии лились рекой.

«Ты невероятный» «Эта песня спасла меня» «Почему тебя не показывают по телевизору?» «Ты из какой школы? Мы хотим прийти на твой концерт»

Концерт. Они хотят концерт.

Я закрыл ноутбук и лёг на спину, глядя в потолок с трещиной. Она всё ещё была там. Но теперь она казалась не изъяном, а маршрутом. Дорогой, которая вела куда-то вверх.

За стеной шумела вода — мама мыла посуду. Я слышал, как она поёт. Впервые за долгое время в квартире было не тихо.

Я лежал и думал о завтрашнем дне. О школе. О Дэне. О двух тысячах сорока шести людях, которые теперь знали моё имя.

Страх никуда не делся. Но рядом с ним теперь пульсировало что-то новое. Надежда.

Завтра я снова пойду в школу. И впервые у меня будет то, что нельзя разбить о стену.

Мой голос. И две тысячи сорок шесть причин продолжать петь.

эпизод 6

Я заснул быстро, едва голова коснулась подушки. Усталость накопилась за день, как вода в переполненной ванне, и стоило закрыть глаза, как она накрыла меня с головой. Мне ничего не снилось. Только темнота — глубокая, плотная, без снов.

Разбудил меня звук.

Резкий, пронзительный, как сигнал тревоги. Я подскочил на кровати, сердце заколотилось где-то в горле. В комнате было темно, только от окна тянулась бледная полоса лунного света.

Звук повторился. Теперь я понял: уведомление. Из ноутбука.

Он лежал на столе, закрытый, но звук шёл именно оттуда. Не одиночный сигнал, а целая очередь. Будто кто-то держал палец на кнопке. Дзынь. Дзынь. Дзынь. Без остановки.

Я сбросил одеяло, босиком прошёл по холодному полу. Пальцы дрожали, когда я поднимал крышку. Экран вспыхнул, ослепив меня, и на нём замелькали уведомления.

Они сыпались, как снег в метель. Одно за другим, десятки, сотни. Я не успевал читать. Лайки. Комментарии. Подписки. Репосты.

Я сел на стул, не отрывая глаз от экрана. Открыл страницу.

И замер.

2 000 000 просмотров.

Сердце стукнуло так, что я услышал его в ушах.

15 034 подписчика.

Глаза отказывались верить. Я моргнул, потёр лицо, снова посмотрел. Цифры не изменились.

150 000 лайков.

20 000 комментариев.

В голове стало пусто. Так пусто, будто кто-то выключил все мысли разом, оставив только гул. Я смотрел на экран и не дышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.